

«Культурный круг»

Мое внимательное (и включенное) наблюдение за работой журнала говорит об уместности публикаций, соединяющих разные области психологии – с психологическим анализом произведений искусства, с применением этого анализа в педагогическом процессе, с практикой одной из самых древних в истории цивилизации психотерапий – «исцеляющим вымыслом» искусства.

Классики Нового времени, с именами которых мы связываем оформление психотерапии в самостоятельную область знания, – З.Фрейд, К.Юнг, А.Адлер, – щедро рассыпали в своих работах примеры из мировой литературы, а Фрейд признавал приоритет художественного познания человеческой души перед научным. Более того, давая описание клинических случаев, он признавал наличие в этом жанре явно художественного влияния, признаваясь, что пишет истории болезни своих пациентов как новеллы. Невозможно в небольшой вводной статье даже обозначить все потенциальные возможности обращения психологии к произведениям искусства – они неисчислимы, поэтому я ограничусь ссылкой лишь на некоторые из этих возможностей с надеждой, что коллеги откликнутся на них своими публикациями.

1. Анализ душевного мира авторов как отраженных в образах ими же созданных героев – живых и реальных людей. Со времени классических работ З.Фрейда о Леонардо да Винчи и Достоевском искусство долгое время выступало в качестве психоаналитического исследования бессознательного, проективно отражающего внутренние конфликты автора. Интерес к прочтению произведения искусства как проективного текста сохраняется по сей день. Мы читаем «Обещание на рассвете» Романа Гари (Эмиля Ажара) как роман-пророчество, пророчество трагического финала жизни самого автора, вся жизнь которого была пронизана поисками отца (т.е. собственной идентичности) и служила выполнением делегированных материнских мечтаний о сыновней славе. Герой Второй мировой войны, получивший из рук обожаемого им де Голля орден почетного легиона, дважды лауреат Гонкуровской премии, он кончает жизнь самоубийством именно тогда, когда, казалось бы,

---

достигает чуть ли не совершенства в исполнении материнского завещания. Так и герой его романа (несомненно, автобиографический персонаж), выполнив все завещанное ему матерью на «рассвете» и, казалось бы, исполнив свой сыновний долг, уходит в море (океан – вечный символ безбрежной материнской любви, прощения и воссоединения). Возможно, мы имеем здесь дело с личностью, которую Фрейд описал в статье «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики», – терпящей внутренний крах именно после (точнее было бы сказать, по причине) достигнутого социального успеха, поскольку инцестуозные фантазии как раз и не должны сбываться.

2. Психологический анализ произведения искусства как модель анализа индивидуального клинического случая, реализованного не психиатром, не психотерапевтом, а художником. Действительно, разве «Пианистка» М.Ханеке или «Ущерб» Луи Малля, или, наконец, набоковская «Лолита» не дают нам больше, чем горы написанного психологами о психотравме, сексуальном насилии, нарциссическом бесчувствии, перфекционизме и бесславном финале жизни, обреченной на пожизненное нанесение ущерба себе и окружающим?

3. Использование произведения искусства в качестве целебной силы, психотерапии. Именно в этом смысле я могу истолковать известное утверждение Фрейда, что «искусство дает эрзац удовлетворения, компенсирующий древнейшие, до сих пор глубочайшим образом переживаемые культурные запреты, и тем самым, как ни что другое, примиряет с принесенными им жертвами. Кроме того, художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается всякий культурный круг» («Будущее одной иллюзии», с.103). И хотя сам Фрейд имел в виду переживания автора, создателя творческого продукта, то же самое, на мой взгляд, справедливо в отношении восприятия произведения искусства, предполагающего вчувствование зрителя, читателя (Т.Липпс) в процессе диалога, разворачивающегося между ним и автором, а также героями. В искусстве принято различать, а иногда противопоставлять друг другу дионисийское (вакхическое, карнавальное) и аполлоническое начала. Последнее связывают с гармонией формы, отрешенной созерцательностью, стройной упорядоченностью, структурой, достижимой в разумном Слове, в символизации страстей. Первое «сотрясает», «бросает в дрожь»,

---

преобразуя рутинность, механистичность и девитализированность повседневности – во «взрыв», «беспредел», катарсическое очищение, обновление души и тела.

В русских народных сказках герою для достижения победы жизненно необходимо «выйти за пределы возможного», например, в три дня построить хрустальный мост «от тваво крыльца до маво дворца», пройти через «огонь, воду и медные трубы», искупаться в кипятке и т.д. Иными словами, чтобы сказка дошла до своего счастливого конца, герою неизбежно приходится совершать подвиги, каждый раз доказывая свою способность, «выходя за пределы», оставаться в живых.

Здесь возникает ряд аналогий широко распространенному в медицине «шоковому» принципу лечения. Так когда-то, чтобы победить «дурную болезнь» – сифилис, больного заражали малярией и вызывали сильнейшую лихорадку, в огне которой «сгорали» проклятые спирохеты; сжигали на кострах инквизиции отступников и еретиков во имя очищения их душ, погрязших в заблуждении; применяли электрошоковую, инсулиновую или нейролептическую «встряску» мозга, дабы привести психотика в соответствие с принятой социумом «нормой».

Наконец, к тому же кругу представлений о целебных, врачующих факторах психотерапии относится фрейдовская идея психоаналитического излечения через невроз переноса, что также предполагает и чрезвычайное обострение симптомов, и их необычайную интенсивность, болезненность на грани переносимости. Вообще надо сказать, что во многих областях психотерапии метод использования «горяченького» распространен довольно широко, например, «горячий стул» и телесный резонанс в гештальттерапии, «горячие мыслительные автоматизмы» в когнитивной терапии, не говоря уже об оргастическом методе В.Райха и т.д.

Таким образом, используя термин, вынесенный в название статьи, идея «трангрессии» как помощи пациенту в преодолении пут привычного, наличного, обыкновенного и переживание чувства полноценного обновления, – лейтмотив, объединяющий дионисийское начало в искусстве и «экспириентальные» методы в психотерапии.

Эстетическое восприятие доставляет наслаждение двояко. Во-первых, благодаря вечным архетипам своих тем. Именно поэтому, «вчувствуя свое Я», мы вновь обретаем утраченное единство с объектом, или иллюзорно создаем отсутствующий вовсе идеальный объект любви, символическое

воссоединение с которым становится возможным благодаря идентификации.

Солидаризуясь с героями, мы проживаем с ними (или через них, проецируя на них) мощные (в том числе недоступные или запретные) желания и страсти; более того, испытываем себя вовлеченными участниками вместе с определенным, референтным нам культурным кругом, а, следовательно, преодолеваем разрушительное чувство одиночества. И в этом целебная, терапевтическая сила дионисийского начала искусства. Но не единственная. Художественный шедевр (и только он) своим аполлоническим началом способен пробудить эмоциональный отклик и другого рода: внести соразмерность и покой в душевный хаос, дать ощущение столь недостающей стабильности, всего того, что называют мировой гармонией, высшей справедливостью и ощущением вечности. Чувство и разум, чередование полного погружения в чувственные ритмы с доставляющими радость интеллектуальными открытиями «сплавляют» воедино расщепленное и диффузное Я, способствуют восстановлению его целостности, создают связи взамен разрушенных отношений.

Психологический анализ героев произведения бессознательно выполняет функцию косвенного самоанализа, что также служит «эрзац-удовлетворению», по выражению самого Фрейда. Утешение, приносимое искусством, сопоставимо с терапевтическим воздействием сказки (Б. Беттельхейм), а также с известными неспецифическими факторами эффективности психотерапии: возвращением веры и оптимизма, замещающим удовлетворением хронического эмоционального голода, преодоления двойственности человеческой природы и т.д. И, может быть, самое главное: произведения искусства способны вызвать в нас чувство бескорыстной и чистой радости.

Е.Т.Соколова,
доктор психол. наук,
профессор кафедры нейро- и патопсихологии
психологического факультета МГУ.